

Марина Ерофеевская

На страницах большой планеты

Пиджак

Между юбочек клетчатых и рубашек цветных зажат,
 На пластмассовых плечиках—элегантный мужской пиджак.
 Новый, с биркой в кармане и—не подогнан ещё манжет,
 Он висит в ожидании: ну когда, ну когда уже?..
 Он готов лечь под ножницы, под иглу, под утюг, под пресс.
 Может, к праздникам сложится? Но хозяин совсем исчез.
 Рядом запонки синие, строгий галстук—его сосед.
 Это невыносимо, но... Но хозяйина нет и нет.
 И ночами безлунными снится свадьба как наяву,
 Будто девушка юная гладит нежно по рукаву.
 Гости все в изумлении: как же выправка хороша!..
 Но висит объявление: «Продаётся мужской пиджак.
 Сорок восемь, неношенный. Продаётся за полцены».
 — Почему же так дёшево? Может, будут ещё штаны?
 Покупателю нравится, пиджаку в рукава залез.
 А хозяин отправился под иглу, под утюг, под пресс.
 Он пропал под снарядами, стал не надобен гардероб.
 У него из нарядного—по размеру сколочен гроб.

Эпоха

Кто на небе включает солнышко—вот бы знать,
 Ведь сегодня на Новодевичьем вновь весна.
 Я брожу вдоль стены святого монастыря,
 Здесь легко по памяти «Отче наш» повторять.
 Нахожу среди прочих—Тихонов Вячеслав.
 Сколько женских сердец разбито! Им нет числа.
 Броневой, Гриценко, Чернов и чуть дальше Плят.
 Я гляжу на гранит, на фото и прячу взгляд,
 Окунусь в ностальгию юности с головой—
 Табаков, Евстигнеев, Дуров и Лановой.
 И мгновенья весны проносятся надо мной,
 Я хочу назад! Я до боли хочу в кино!
 Где всё выдумка, ложь, фантазия, дубль второй,
 Где «герой» не посмертно—просто киногерой!
 Где стреляют из муляжей и рисуют кровь,
 Понарошку там ждут мужей и спасают кров,
 Где блистают «звёзды» огромной величины!
 Где по-настоящему нет на земле войны!

И гвоздики дрожат в руке, шелестит слюда.
 Не скучай, мой Штирлиц! Я снова приду сюда.
 Мне два раза уже «семнадцать», летят года.
 И уходит эпоха целая, но куда?

Алёшка

(Детская поэзия)

Сквозь решётку-паутину
 Я гляжу в своё окно—
 Интересная картина,
 Как в каком-нибудь кино:

Куклы, зайчики и мишки
 У заборчика сидят,
 Паренёк несёт под мышкой
 «Настоящий» автомат.

Целит в мишку автоматом,
 Раздаётся: «Та-та-та»,—
 И летит клочками вата
 Из большого живота.

Он, гляжу, не понарошку,
 А всерьёз вооружён.
 Я кричу ему: «Алёшка!
 Убивать нехорошо!»

«Я совсем не виноватый!
 Это враг, а я герой!
 И хочу, как все солдаты,
 Быть за Родину горой!»

Я ведь тоже не трусишка,
 Хоть и слёзы на носу,
 Потерпи, мой милый мишка!
 Я сейчас тебя спасу!

Нитки я беру и вату,
 Буду шить и бинтовать.
 Если нету виноватых,
 Кто же в этом виноват?

Всё пройдёт, ещё немножко.
 Отчего-то грустно мне.
 Вот бы нам с тобой, Алёшка,
 Не встречаться на войне...

Вокруг

Я жду, когда меня поведут на суд,
А я пойду смиренно, как Божий раб,
Где мне расскажут про помыслы, цель и суть,
И я, наверное, этому буду рад.

«Где был ты в день, когда наступала хворь,
Когда вокруг планета сошла с ума?»
«Я был свидетелем!» — «Хватит нам врать! Не спорь!
Ты был в умат, и в баре стоял туман.

Где был ты в ночь, когда наступал январь
И нищий руку протягивал к очагу?
Когда в подъезд просилась живая тварь
И через час ледышкой легла в снегу?

Где был ты в час, когда постучали в дверь,
Набрать просили две цифры всего — ноль три?»
«Я был в делах, о чём же жалеть теперь?»
«Уже не время, больше здесь нет двери.

Где был ты в миг, когда умирал солдат?
Быть может, враг, быть может, твой лучший друг».
И я отвечаю: «Проследуем сразу в ад...»
Но мне промовлят: «А ты оглянись вокруг...»

Не учат в школе

Звонка гремящие децибелы усадят снова детей за парты.
В образовании нет пробелов, есть соответствие со стандартом.
Листы учебников пахнут краской, немного пылью, немного кровью.
Они же дети и верят в сказку, во всю фантастику верят, кроме
Намокших писем, сырых подвалов, ударов «Града» из ниоткуда,
Они за это получают баллы для поступления в институты
И каждой галочкою в квадрате перечеркнут имена и судьбы.
Одной оценки всего лишь ради учебник ими прочитан будет —
И о татарах, и о монголах, новейший и достоверный самый.
Никто из них не услышит голос окаменевшей от боли мамы.
Она кричит, и рыдает громко, и убивается на пороге,
Смотря на свежую похоронку. «Мне дайте только его потрогать!
Он встанет, знаю! Он жив, мой сынок! Меня возьмите! Его не надо!»
И бьётся, бьётся о холод цинка под похоронную канонаду.
Он просто жизни не сдал экзамен, и аттестат затерялся где-то,
Он не в учебниках вечно замер, а на страницах большой планеты...

Наступит май. И в весеннем свете на обелиске застынут лики.
И вновь такие же чьи-то дети несут к подножию две гвоздики.

Северное

Ты говоришь: как же мы далеко,
Как у Христа за пазухой.
Снег на Севере белый, как молоко,
Мир и покой кругом испокон веков,
Воздух так чист, пьётся одним глотком,
Ни наводнений, ни засухи.
Нет ни бомбоубежищ, ни катакомб.
Здесь каждый шорох не чужд, а давно знаком.
Дом хоть и стар, но со стенами, с потолком,
Деревянный, а не пластмассовый.
Почему я хочу свернуться тугим комком?
Почему я не думаю ни о ком?
Я желаю уйти — напролом, пешком.
Мучают мысли разные.
В этом мире, видно, закон таков:
Если нет ни дороги, ни дураков,
Если хата с краю и нет долгов,
То никому не обязаны!
Ты говоришь: как же мы далеко, —
Только вот от чего — мне шепни тайком.
Дай Бог сохранить нам полностью, целиком
Ясность разума.